

ПЕРВЫЙ СИСТЕМНЫЙ ЗАКОН В РОССИИ: КАК ЗЕМСКИЙ СОБОР ПРИНИМАЛ УЛОЖЕНИЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

THE FIRST SYSTEMIC LAW IN RUSSIA: HOW THE ZEMSKY SOBORD ADOPTED THE CODE IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY

I. Uporov

Summary. In the history of Russian legislation, one of the most important landmark events is the adoption of the Collected Code in 1649 — this act is unique in many respects. The article examines this thesis from several angles, with special attention paid to the fact that the draft Code was discussed in advance by representatives of different classes (with the exception, of course, of involuntary people and women, in accordance with the social relations that existed in the Muscovite state at that time), and then at a general meeting in the form of the Zemsky Sobor, the final decision was made, including the signatures of the participants of the council, which was also attended by the tsar. Such a legislative procedure, which had certain democratic principles, can obviously be considered a prototype of the modern legislative process. It is noted that the Code consists of systematically thematically arranged chapters, which was not the case before. This Code regulated various aspects of social relations, and in this context, this act was a universal, extremely concise set of rules and norms of both substantive and procedural law. At the same time, there was a predominance of issues of a property and land nature. Many norms regulated the protection of the political system (the initial stage of absolutism) — for an attempt on the lives of persons of the highest nobility, crimes against the state, the death penalty was imposed. The same punishment was for severe general criminal punishments; for the first time, punishment in the form of imprisonment appears. The Code was first reproduced in print. Accordingly, the norms of the Cathedral Code, other documents related to its adoption, scientific works that touch on this issue are analyzed, and the author's generalizations are made.

Keywords: Moscow state, cathedral, code, project, systematization, commission, law.

Аннотация. В истории российского законодательства одним из важнейших знаковых событий является принятие в 1649 г. Сборного уложения — этот акт уникален по многим позициям. В статье данный тезис рассматривается с нескольких сторон, при этом особое внимание уделяется тому обстоятельству, что проект Уложения обсуждался предварительно представителями разных сословий (разумеется, за исключением невольных людей, а также женщин — согласно существовавшим тогда социальным отношениям в Московском государстве), а затем на общем собрании в форме Земского собора было принято окончательное решение, в том числе включая подписи участников собора, в котором присутствовал и царь. Такую законодательную процедуру, в которой наличествовали определенные демократические начала, можно, очевидно, считать прообразом современного законодательного процесса. Отмечается, что Уложение состоит из системно-тематически расположенных глав, чего не было ранее. В этом акте регулировались различные аспекты общественных отношений, и в этом контексте этот закон являлся универсальным, предельно сжатым сводом норм как материального, так и процессуального права. Вместе с тем имело место преобладание вопросов имущественного и земельного характера. Немало норм регулировали защиту политического строя (начального этапа абсолютизма) — за покушение на лиц высшей знати, преступления против государства полагалась смертная казнь. Такое же наказание было за тяжкие общеуголовные наказания; впервые появляется наказание в виде тюремного заключения. Уложение впервые было размножено печатным способом. Соответственно анализируются нормы Соборного уложения, другие документы, связанные с его принятием, научные труды, в которых затрагивается данная проблематика, делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: Московское государство, собор, уложение, проект, систематизация, комиссия, закон.

При исследовании Соборного уложения следует иметь в виду, что сам текст этого закона сохранился, чего нельзя сказать о материалах Уложенной комиссии не сохранились, поэтому с точностью говорить о всех деталях, связанных с процедурой принятия Уложения, не приходится, и в этой связи в литературе справедливо отмечается, что многое относится к области догадок, предположений и косвенных построений» [1; 2; 3 и др.]. На этом счет имеются исследования, в том

как дореволюционного, так и советского и современного периодов российской истории [4;5;6;7 и др.]. Тем не менее имеющиеся сведения дают возможность составить представление о законотворческом процессе того времени. Так, к началу октября 1648 г. проекта Уложения в текстовом его изображении был готов, после чего началось обсуждение проекта, которое а происходило отдельно в двух совещаниях, или, как их условно называют, «палатах», а именно в боярской палате и дво-

рянско-посадской палате [8, с. 17–18]. Вероятно, такое обсуждение можно считать прообразом будущих обсуждений в системе публично-властных отношений [9]. После того, как обсуждение закончилось, государь (царь Алексей Михайлович) дал указ «то все Уложение написать на список», закрепить его «рукоприкладством» участников соборного обсуждения, после чего передать для печатного тиражирования [10, с. 159]. Как видно из текста самого Уложения (в завершающей его части) работа Земского собора по обсуждению проекта данного акта была закончена 29 января 1649 г. Спустя некоторое время (начало апреля 1649 г.) был издан указ о напечатании Уложения, после чего книги с текстом Уложения поступили в продажу [8, с. 69]. Так на свет появилось Уложение [11], которое позже, когда поставлена нумерация главам и статьям (в начальной редакции этого не было) стали именовать как «Соборное уложение» (в дальнейшем анализе текста Уложения используется принятая для данного акта нумерация).

В числе подписантов были церковные служители (патриарх, два митрополита и др.), бояре, окольниковы, казначей, московские дворяне и дворян иных городов, выборные от московских сотен и слобод, представители посадов, стрельцы — всего указано 315 «рукоприкладившихся» [12, с. 247]. Преобладали представители дворянства, видно и влияние представителей посада. По мнению А.Н. Зерцалова, было еще тридцать участников Земского собора, не оставивших подписей. Всего на собор съехались выборные из 116 городов [13, с. 23]. Следует отметить достаточно высокую активность словесных представителей при обсуждении проекта Уложения, который был подготовлен Уложенной комиссией, о чем свидетельствуют, например, ссылки на них в тексте Уложения. Так, в ст. 42 Главы XVII («О вотчинах»): указывалось: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, советовав со отцем своим и богомолцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со архимариты, и игумены, и со всем Освященным собором, и говоря с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми и с столники, и с стряпчими, и з дворяны московскими, и з городовыми дворяны и детми боярскими указал, и собором уложили...» [11]. И далее шла речь об имущественных правах церкви.

Очевидно, можно предположить, что ряд сословий ставили вопрос о целесообразности ограничения этих прав (в данном случае прав со сделками с родовыми вотчинами). Об этом говорится, в частности, в одной из челобитных, где указывается, что «все выборные люди ото всея земли били челом, чтоб Государь указал у Патриарха, и у властей, и у монастырей, и у протопопов, и у попов вотчинная земли взять на себя, Государя, которая даваны с восемьдесят осьмаго году, после указу и уложе-

ню прежних Государей...и прежних властей, которые с ними, Государя в то время были на соборе, а в том соборном деле уложение написано, что с тех мест в монастыри вотчинных земель отнудь не давать, а власти де к тому приговору и руки свои приложили» [14, № 33]. Вероятно, на основании этого челобитья и возникла процитированная выше норма Соборного Уложения.

При обсуждении проекта Уложения среди других активно обсуждался крестьянский вопрос. Так, дворянством было выдвинуто требование о юридическом оформлении крепостничества. В царской грамоте в Звенигород от 24 января 1649 г. говорилось о челобитье царю служилых людей «всех городов» с просьбой об отмене «урочных лет» для сыска беглых крестьян. Это челобитье в итоге было разрешено следующим образом: беглых крестьян и бобылей отдавать их господам по писцовым книгам без «урочных лет» [15, с. 231]. В этой грамоте звенигородской приказной администрации предписывалось руководствоваться уже Уложением, где в ст. 1 Главы XI (под названием: «Суд о крестьянах») значилось: «Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей ... тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет» [11].

Обсуждался на уложенной комиссии также вопрос о частновладельческих, торговых и промышленных слободах на посадской земле и о закладчиках за землевладельцами, избегающих посадского тягла. Так, в челобитной от 30 октября 1648 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и городовые дворяне и дети боярские отмечали, что «на Москве же де и по городом патриарши, и монастырские, и боярские и иных чинов люди, их крестьяне, покупали себе и в заклады поимали тяглые дворы и лавки, и погребы каменные, и торгуют всякими товары, и своею мочью и заступою откупают на Москве и по городом таможи и кабаки и всякие откупы, и от того де они служилые и тяглые люди обедняли и одолжали неоплатными долги, а промыслов своих многие отбыли» [14, № 32-1]. 25 ноября 1648 г. последовала новая подписная челобитная «всяких чинов выборных людей» об отписке на государя слобод и возвращении закладчиков «без лет и без сыску». Челобитчики полагали «чтоб впредь слободам со крестьяны и с бобыли и с закладчики, с торговыми и ремесленными людьми, на Москве и в городех всем быть его государевым, а ничьим иным, опричь его государевых людей не быть, и чтоб той розни в его государстве никакой ссоры и розни меж людьми не было» [14, № 32-3]. Как видно, предложения были вполне конкретные.

И вот как это нашло отражение в Уложении (ст. 1 Главы XIX (под названием «О посадских людях»): «Которыя

слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взятии за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабалных людей ... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть» [11]. Связь челобитных и данной нормы очевидна. И там, и там речь идет об отчуждении частновладельческих слобод и вотчин в пользу посада с прикреплением к посаду их торгово-промышленного населения и к сыску беглых посадских людей — закладчиков [16, с. 251].

В целом же такого рода проблемы отражали противоречия между, с одной стороны, землевладельцами (в основном представители аристократии и высшего чиновничества), и, с другой стороны, нарождающегося класса российской буржуазии. В данном случае был найден некий баланс интересов, и этому способствовала предоставленная посадскому сословию возможность заявить о своих интересах в рамках составления нового Уложения. Вместе с тем был вопрос, по которому и боярство, и посад выступали консолидировано.

Речь шла, в частности, о запрете иностранным купцам торговать во всех русских городах, кроме Архангельска. На этом счет представителями указанных сословий были поданы отдельные челобитные. Смысл их один и тот же, хотя терминология различается (из челобитной от стольников, стряпчих, дворян, детей боярских: «московские гости и торговые люди во всяких торгах и в промыслах от немец погубили и разорились до конца»; из челобитной гостей и торговых людей: «Чтоб в Московском государстве заморские немцы не множились, и иных бы государств королевскими имяны, на Москве живучи не назывались»).

Эти челобитные поступили в «приказ бояр», оттуда был послан запрос в Посольский приказ о том, какими документами определялись условия иностранной торговли в России. Ответ этого приказа был датирован 20 декабря 1648 г., и царь передал его на рассмотрение Земского собора, и вызвал весьма заинтересованное обсуждение (достаточно сказать, что под текстом с изложением ситуации с иностранной торговлей и подтверждением своей позиции подписались 164 выборных человека). Однако в Уложении данный аспект отражения не нашел [17, с. 301]. Можно предположить, что поскольку этот вопрос был связан с внешнеполитическими отношениями, то потребовал большего времени для его решения. Лишь в июне 1649 г. последовал царский указ, разъясняющий особенности иностранной торговли в России.

Немало норм Уложения посвящены борьбе с преступностью. В этом контексте следует заметить, что именно с Соборного уложения стало формироваться и получил закрепление такой вид наказания, как тюремное заключение [18]. Там же закреплялось и ранее применяемая ссылка в отдаленные места в отношении политических противников правящей элиты. В дальнейшем эти два вида, оставаясь самостоятельными видами уголовной репрессии, в совокупности составили основу нового вида уголовного наказания — каторгу, когда осужденные к нему не только ссылались в отдаленные места, но и привлекались к работам, как правило физически тяжелым, в интересах государства, и при этом содержались в каторжных тюрьмах. При этом, как отмечает Ю.И. Майоров, Московское государство того времени применяло довольно жесткие наказания за преступления, и прежде всего за преступления, посягающие на существовавший тогда политический строй, то есть за преступления, так или иначе направленные против власть имущих [19] (следует заметить, что эта тема, связанная с преступлениями и наказаниями в Соборном уложении в историко-правовой литературе освещена достаточно подробно, в том числе в публикациях последних лет [20; 21; 22; 23 и др.]). Тем самым государство определенным образом упорядочивало в этом законодательном акте меры государственного принуждения к лицам, совершавшим общественно опасные деяния [24].

В целом Уложение, бесспорно, некоторым образом оптимизировало социальные отношения середины XVII в., приведя в большее соответствие нормы закона и реальное положение в стране [25; 26]. Отчасти, имея в виду на более высоком уровне законодательную защиту прав жителей Московии, можно считать, что Уложение пусть в небольшой степени, но все уже отражало то, что в дальнейшем будет определяться как идеи естественного права [27; 28]. Но, разумеется, всех противоречий Уложение решить не могло. Так, В.Н. Алексеев обнаружил документы, из которых следует, что в челобитной от 9 марта 1649 г. курянин Малышев, работавший на Земском соборе как делегат «по выбору всего города курчан», жаловался на то, что некоторые жители остались крайне недовольны статьей Уложения об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни (ст. 26 Главы X) и за это наговаривали на него (будто он в Москве «курчан весь город ... всяким дурном огласил») и намеревались в отношении него «всяко дурно учинити» [29, с. 80]. По этому вопросу был составлен такой ответ: «шумят де на него курчане, что он на Москве разных их прихотей в Уложенье не исполнил, и нам бы его пожаловать, велети ему дати береженную грамоту» [29, с. 81]. Если же иметь в виду масштаб всей страны, то достаточно указать на восстание Разина, показавшее остроту социальных противоречий, сгладить которые не помогло и Уложение [30]. Известный историк С.Ф. Платонов полагал, что провинциальные соборные представители при обсуждении

проекта Уложения ставили вопросы, вызывавшие неудовольствия в московском обществе. Поэтому, конечно, не следует идеализировать процедуру и содержание данного законодательного акта. Не нужно забывать, что правовая практика XVII в. еще не имела сложившихся правил составления закона, поскольку в одном и том же правовом источнике, в данном случае в Уложении, содержалось несколько альтернативных, а порой и взаимоисключающих решений по одному и тому же вопросу; во многих случаях на практике действующее право дополнялось различными общепринятыми обычаями, нигде в законе письменно не обозначенными [31, с. 8]. Данное Уложение имело силу до начала известной систематизации российского законодательства (первая треть XIX в.), а отдельные нормы «дожили» до конца существования российской империи.

Не менее важный представляется и то, что Соборное уложение по указанным выше характеристикам были первым и, одновременно последним, то есть, единственным, универсальным правовым актом, разработанным и принятым на системном уровне, в истории права России. В дальнейшем и в петровскую и екатерининскую эпохи предпринимались попытки создать подобное универсальное, на все случаи жизни Уложение, однако все такие попытки оказались безуспешными, несмотря на более совершенные государственные механизмы

принятия законов в Российской империи. Основная причина заключалась в том, что усложненные и непрерывно усложняемые социальные отношения уже не могли быть отрегулированы в одном акте — требовались все новые и новые нормы права, и они издавались и издаются в виде отдельных актов, и такая практика сохраняется до сих пор (так, спустя двадцать лет после издания Соборного уложения были приняты «Новоуказные статьи», что показывало ограниченный потенциал Уложения с точки зрения регулирования требующих этого актуальных вопросов социальной практики [32]).

Однако указанные обстоятельства не принижают значительной роли Соборного Уложения в правовой истории России, учитывая, что это был уникальный нормативно-правовой акт в истории российского законодательства, причем сразу по нескольким параметрам. Это был первый российский закон столь высокого по тем временам системного уровня, имея в виду разделение на 25 глав («О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать», «О суде», «О поместных землях», «О стрельцах» и др.), далее — это был первый акт универсального характера, где отрегулированы наиболее важные общественные отношения, который был одобрен представителями разных сословий, то есть относительно демократическим, по тем временам, путем и ратифицирован печатным образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маньков А.Г. Уложение 1649 года: кодекс феодального права России. М.: ГПИБ, 2003.
2. Ельчанинова О.Ю. К вопросу о формировании Российской правотворческой традиции в XVII в. // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1. С. 38–45.
3. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: летопись власти. М., 2018.
4. Софроненко К.А. Соборное Уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М.: Прогресс, 1959. 347 с.
5. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648–1649 года // Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. Казань, 1880. С. 157–159.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 244.
7. Савченко Д.А. Создание Соборного Уложения: исторический опыт модернизации отечественного законодательства // Вестник НГУЭУ. 2013. № 3. С. 209–222.
8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: МГУ, 1961.
9. Звягольский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях (проблемы теории и практики). Москва, 2008.
10. Государственное Древлехранилище хартий и рукописей (опись док. матер. Ф. 135) / Сост. В.Н. Шумилов. М.: Внешторгиздат, 1971.
11. Уложение от 29.01. 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. № 1.
12. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Т. 6 / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М.: АН СССР, 1955.
13. Зерцалов А.Н. Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. М.: Универс.типогр., 1887. 80 с.
14. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1836.
15. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1948. 736 с.
16. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л.: АН СССР, 1962. 422 с.
17. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
18. Упоров И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и права. 1998. № 9.
19. Майоров Ю.И. Памятник русского права (к 350-летию со времени принятия Соборного Уложения) // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 3. С. 204–210.
20. Константинова В.М. Сравнительно-правовой анализ преступлений и наказаний в XVII–XVIII вв. // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 2. С. 45–50.

21. Богданова Д.М. Государственные преступления: историко-правовой аспект // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5. С. 116–122.
22. Рожнов А.А. К вопросу о пожизненном лишении свободы в Уложении 1649 года // Общество и право. 2011. № 2. С. 149–152.
23. Жильцов С.В. Некоторые аспекты смертной казни по Уложению 1649 года // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 2. С. 142–148.
24. Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
25. Грузнова Е. Б. Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г. // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 10. С. 103–124.
26. Желонкина Е.А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков. М.: Юрлитинформ, 2015.
27. Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.
28. Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.
29. Алексеев В.Н. Новый документ к истории земского собора. 1648–49 год // Древности. Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 79–84.
30. Красницкая А.В. Правотворческая функция земских соборов в Московском государстве XVII в. (на примере разработки и принятия Соборного Уложения 1649 г.) // Общество и право. 2011. № 1.
31. Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 года: автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
32. Жуланов А.В., Мингес И.А., Теппеев А.А. От Соборного уложения к «Новоуказным статьям»: развитие русского права во второй половине 18 века // Право и управление. 2022. № 9. С. 136–139.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»